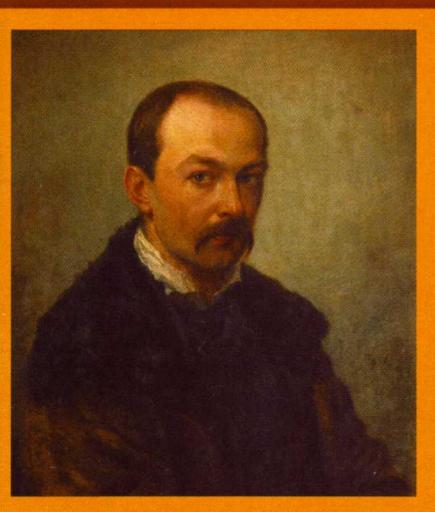

50 Художников

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

Федотов

17

Шедевр «Сва-
товство майора»
(1848) — в деталях

Свои молодые годы
Федотов провел
на военной службе

Технику масляной
живописи он освоил
самостоятельно

Художник кончил дни
в психиатрической
лечебнице

«50 художников. Шедевры русской живописи»

Выпуск №17, 2010

Выходит раз в неделю

РОССИЯ

Издатель, учредитель, редакция: ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова,
д. 3, стр. 1

Письма читателей по данному адресу не принимаются.

www.deagostini.ru

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в
Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ
№ ФС77-40451 от 30 июня 2010 г.

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам,
касающимся информации о коллекции, обращайтесь по телефону
бесплатной «горячей линии» в России:

☎ 8-800-200-02-01

Адрес для писем читателей: Россия, 170100, г. Тверь, Почтамт,
а/я 245, «Де Агостини», «50 художников. Шедевры русской живописи»
Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для
обратной связи (телефон или e-mail).
Распространение: ЗАО «ИД Бурда»

УКРАИНА

Издатель и учредитель: ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес: 01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского,
д. 119

Генеральный директор: Екатерина Клименко

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ
Министерства юстиции Украины КВ № 15896-5666Р от 17.08.2010

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам,
касающимся информации о коллекции, обращайтесь по телефону
бесплатной «горячей линии» в Украине:

☎ 8-800-500-8-400

Адрес для писем читателей: Украина, 01033, г. Киев,
а/я «Де Агостини», «50 художников. Шедевры русской живописи»
Украина, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

БЕЛАРУСЬ

Импортер и дистрибутор в РБ:
ООО «РЭМ-ИНФО», г. Минск, пер. Козлова, д. 7г,
тел.: (017) 297-92-75

Адрес для писем читателей: Республика Беларусь, 220037, г. Минск,
а/я 221, ООО «РЭМ-ИНФО»,
«Де Агостини», «50 художников. Шедевры русской живописи»

КАЗАХСТАН

Распространение: ТОО «КП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая цена: 69 руб., 11,90 грн, 299 тенге, 4900 бел. руб.

Издатель оставляет за собой право увеличить
рекомендуемую цену выпусков.
Издатель оставляет за собой право изменять
последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг»,
08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 390 000 экз.

© ООО «Де Агостини» 2010

Текст: Александр Панфилов

ISSN 2218-8614

Дата выхода в России: 29.12.2010

В НОМЕРЕ

Жизнь и эпоха

3

Знаменитые работы

6

СВЕЖИЙ КАВАЛЕР (1846)

ЗАВТРАК АРИСТОКРАТА (1849—50)

ВДОВУШКА (1851—52)

ИГРОКИ (1852)

Шедевр

14

СВАТОВСТВО МАЙОРА (1848)

Стиль и техника

20

Картинная галерея

26

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА (1847)

ПОРТРЕТ Н. П. ЖДАНОВИЧ ЗА ФОРТЕПЬЯНО
(1849)

ЗИМНИЙ ДЕНЬ (ок. 1851)

«АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!» (1851—52)

Музеи мира

30

Иллюстрации предоставлены:

Передняя обложка: (основная) П. Федотов. Сватовство майора. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (врезка) П. Федотов. Автопортрет. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 3: (центр) П. Стромиллов. Портрет П. Федотова в то время, когда он учился в Московском кадетском корпусе. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (низ) © Федор Асеев; 4: (верх) П. Федотов. Федотов и его товарищи по лейб-гвардии Финляндскому полку. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (низ) П. Федотов. Прогулка. Автопортрет с отцом и сестрой. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 5: (верх, лев) Bridgeman/Fotobank.ru, (верх, прав) К. Брюллов. Автопортрет. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (центр) Архив изображений DeA; 6/7: П. Федотов. Свежий кавалер. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 8/9: П. Федотов. Завтрак аристократа. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 10/11: П. Федотов. Вдовушка. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 12/13: Киевский музей русского искусства; 14: (центр) Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, (низ) Bridgeman/Fotobank.ru; 15: (верх) Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, (низ) П. Федотов. Первое утро обманутого молодого. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 16/17 и 19: П. Федотов. Сватовство майора. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 20: (лев) П. Федотов. Художник, пишущий портрет. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (прав) Государственный Русский музей, Санкт-Петербург; 21: (верх) П. Федотов. Портрет А. И. Федотова, отца художника. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 22: (все) Государственный Русский музей, Санкт-Петербург; 23: (верх) П. Федотов. Бедной девушке краса — смертная коса. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (центр) П. Федотов. Кончина Фидельки. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 24: (верх) П. Федотов. Портрет Е. П. Ростоппиной. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (центр, лев) П. Федотов. Портрет К. Флуга. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 25: (верх) П. Федотов. Художник женившийся без приданого в надежде на свой талант. Государственная Третьяковская галерея, Москва, (низ) П. Федотов. Магазин. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 26: П. Федотов. Разборчивая невеста. Государственная Третьяковская галерея, Москва; 27/28: (все) Государственный Русский музей, Санкт-Петербург; 29: П. Федотов. «Анкор, еще анкор!». Государственная Третьяковская галерея, Москва; 30/31: (все) Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск.

Зигзаг судьбы

Федотов много лет посвятил военной службе, а потом ушел в «вольные художники». Жизнь его окончилась трагически, но картины мастера «предсказали» развитие русской живописи на десятилетия вперед.

Павел Федотов родился 22 июня (4 июля по новому стилю) 1815 года в Москве, в семье титулярного советника Андрея Илларионовича Федотова. Чиновником отец будущего художника числился не всю жизнь. самого простого происхождения, он долгое время был «суворовским солдатом», участвовал во всех военных кампаниях последнего пятнадцатилетия XVIII века, выслужил офицерский чин и вышел в отставку по ранению в 1800 году. В 1802 году Андрей Федотов объявился в Москве, устроившись на службу секретарем управы благочиния. К тому времени он уже обзавелся семьей, взяв себе в жены пленную турчанку, вывезенную им из Молдавии. Потеряв первую жену, Андрей Илларионович в 1806 году вновь женился — на этот раз на купеческой вдове Наталии Алексеевны

Калашниковой, матери нашего героя. Семья приобрела небольшой домик в Яузской части, где Павел Федотов и провел первые свои одиннадцать лет.

Его отец, человек жесткий, честный, прямолинейный, вел жизнь, соответствующую его характеру. Особенным достатком эта жизнь не отличалась. Никаких гувернанток, уроков рисования, особенных умственных занятий у Павла в детстве не было. Были случайные учителя, жившие в доме его отца и дававшие ему уроки в счет квартирной платы. Систематическим образованием это назвать трудно.

Сам «дитя» армии, Андрей Илларионович видел в будущем своего сына военным и в 1826 году определил его в только что открывшийся Кадетский корпус, занявший здание Екатерининского дворца в Лефортове. «Меня судь-

ба, отец и мать/ Назначили маршировать...» — рифмовал впоследствии Федотов.

Портрет кадета П. Федотова, выполненный его товарищем П. Стромилловым в 1828 году. Нашему герою здесь 13 лет.

Кадетский мир отличался особой герметичностью и строгим регламентом, но мальчик, кажется, не мучился этим. Он показывал большие успехи по всем предметам, характеризовался примерным поведением, был хорошим товарищем. В корпусе он начал рисовать — по большей части, это были карикатуры на учителей и приятелей. Стоит отметить, что какой-то страсти к «художествам» Павел не испытывал, а был, что называется, «всесторонне одарен». Помимо рисования, Федотов пел, играл на гитаре и флейте, сочинял романсы, писал стихи.

Окончив в 1833 году корпус в четверке «отличнейших», юный прапорщик получил назначение в лейб-

гвардии Финляндский полк. С января 1834 года (и до конца жизни) Федотов жил в северной столице. Ему дали казенную квартиру в расположении полка на Васильевском острове, и служба началась. И здесь он пришелся «ко двору» — роту свою содержал в великом порядке, звался «артистом», славился «укладчивым» характером, «правильно» двигался по служебной лестнице. Николаевская

Екатерининский дворец в Лефортове, где размещался Кадетский корпус. Здание построено в конце XVIII века. В завершении фасада принимал участие знаменитый архитектор Дж. Кваренги.

Акварель Федотова «Федотов и его товарищи по лейб-гвардии Финляндскому полку» (1840). Среди этих молодых людей, приятелей художника, мы найдем нескольких в будущем крупных государственных деятелей (военный министр П. Ванновский, шеф жандармов А. Дрентельн и др.).

гвардия, разумеется, была уже не та — искусства тут больше не цвели, умственные интересы не буйствовали. Дневник будущего художника скрупулезно фиксирует «рутину жизни»: карты, пение, прогулки, совместные обеды, «вранье» (то есть болтовня), анекдоты, барышни... Младший товарищ Федотова, будущий известный писатель А. Дружинин, вступивший в Финляндский полк перед самой отставкой нашего героя, отмечал: «Все младшие офицеры или отъявленные хамы, или хорошие люди, да подавленные проклятым безденежьем».

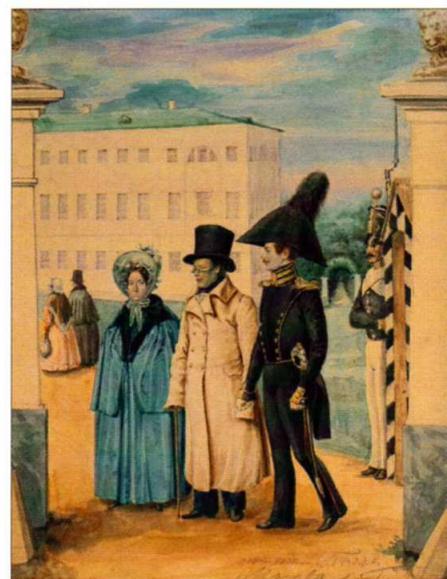
Федотов относился ко вторым. Половину своего жалования он отсылал в Москву на нужды семьи, на другую же еле сводил концы с концами. Вихрь светской жизни для него был заказан — от нечего делать он все больше и больше рисовал. В июне 1834 года Федотов получил билет на право посещения вечерних рисовальных классов Академии художеств, которые с перерывом посещал до 1841 года. Он много бродил по Эрмитажу, увлекшись творчеством Тенирса и Адриана ван Остаде. Охотно толковал о Хогарте.

Месяц шел за месяцем. Несколько более «бурным» на общем фоне выдался 1837 год. В этом году Федотова ждал первый «художественный» успех. Эскиз акварели «Встреча в лагере лейб-гвардии Финляндского полка великого князя Михаила Павловича 8 июля 1837 года» заслужил одобрение ее главного героя, шефа гвардейского корпуса. Этим же годом датируется первая в жизни Федотова серьезная романтическая история. Получив четырехмесячный отпуск, он уехал в Москву, где влюбился в Катеньку Головачеву, которую знал с детства. Роман вяло тянулся два года, пока не сошел на нет. Вообще, все федотовские сердечные привязанности (а их и было-то в его жизни лишь три) предстают перед нашим взором какими-то «недоделанными» — «страстный

дебют», как правило, продолжается недомолвками и недоговоренностями, а потом претворяется в «финал с расставанием». Почти то же самое произошло у Федотова десятью годами позже с сестрой его товарища, художника А. Бейдемана, Еленой, а за два года до смерти — с красавицей Юлией Тарновской. Юлия, девушка эмансипированная, сама, в конце концов, предложила художнику себя в жены, на что получила отказ; Федотов, по размышлению, ответил ей, что на две любви, «к жене и к искусству», его не хватит.

А в 1850 году он уже был заправским «человеком искусства». Военная карьера оказалась брошена в 1844 году; в самом начале января Федотов покинул полк, уйдя в «вольные художники». Тому предшествовал показ в 1840 году новой «военной» акварели великому князю Михаилу Павловичу. Ее увидел и император Николай I и, скорый на резкие движения, предложил Федотову оставить гвардию и идти в художники-баталисты. Наш герой отправился за советом к Брюллову, тот — отсоветовал, сказав, что настоящего профессионала из него уже не получится: «Надо начинать рисовать с младенчества...» Три года наш герой медлил с решением, пока все-таки не подал рапорт об отставке, получив взамен офицерского содержания ежемесячную пенсию в 100 рублей ассигнациями. В финансовом отношении Федотов сильно потерял.

Поселившись там же, на Васильевском острове, отныне он вел жизнь частного лица, «одинокого зеваки», по собственному выражению. Некоторое время позанимавшись в Академии «баталистикой» у профессора А. Зауервейда, Федотов бросил ее. Говорят, сделал он это во многом по «наущению» баснописца Крылова, призвавшего художника изображать «народную жизнь». В 1848 году его избрали академиком живописи за работу «Сватовство майора», а в 1849 году федотовские картины, представленные на трехгодичную выставку Академии художеств,

Эта акварель Федотова, созданная в 1847 году, называется «Прогулка. Автопортрет с отцом и сестрой».

Картина «Драка» голландского живописца XVII века Адриана ван Остаде хранится в Эрмитаже, где ее, несомненно, видел Федотов. Он восхищался творчеством этого мастера.

произвели сенсацию. Да такую, что этот триумф сравнивали с памятным успехом «Последнего дня Помпеи» самого Брюллова.

Дальше все покатило под гору. Правда, была еще поездка в 1850 году в Москву, вызванная семейными финансовыми неурядицами. И там картины Федотова, показанные сначала «в частном порядке» у поэтессы Е. Ростопчиной, а потом на ежегодной выставке Московского училища живописи и ваяния, вызвали настоящий фурор. Любопытно эта поездка была и тем, что впервые Федотов оказался в самой гуще художественной жизни. Он познакомился с Шевыревым, Островским, Грановским, Буслаевым, Хомяковым, Чаадаевым, Погодиным, Гоголем, стал своим в доме Е. Ростопчиной.

Вернулся Федотов в Петербург, по словам Дружинина, «веселым, довольным и помолодевшим». Но изнутри художника уже точила болезнь. Да и безденежье — несмотря на то, что император увеличил его художническую пенсию в конце 1850 года, — по-прежнему было мучительно. Чтобы поправить положение, Федотов задумал литографировать и продавать свои картины, но в этом потерпел фиаско — денег на литографирование не нашлось. Ситуация оказалась столь тяжела, что художник продал любимое «Сватовство майора» за тысячу рублей.

В начале 1852 года его начали «донимать» дурные предчувствия. «Я боюсь всего на свете, даже воровья...» — писал он. «Кончено!» — таким восклицанием он увенчал одно из своих четверостиший, занесенных в чей-то альбом. В июне Федотов посетил несколько домов, в каждом из которых сватался, потом, получив какие-то деньги, пропал. Кто-то видел, как он заказывал гроб; другие сообщали, что художник бродит по улицам и дарит людям ассигнации. Обнаружили его в Царском Селе уже совершенно больным. Некоторое время Федотов провел в частной психиатрической лечебнице, потом его перевели в казенную больницу Всех Скорбящих на Петергофской дороге. По свидетельству Дружинина, он призывал тамошних пациентов превратить Петербург в древние Афины. 13 ноября 1852 года Федотов ненадолго пришел в себя, исповедовался и причастился. На следующий день его не стало.

«Автопортрет» (1848) К. Брюллова, помогавшего Федотову своими советами.

Панорама Васильевского острова на современной фотографии. Здесь Федотов, сменив несколько квартир, прожил восемнадцать лет своей жизни.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ

- 1815 Родился в Москве, в семье титулярного советника Андрея Федотова.
- 1826 Поступает в московский Кадетский корпус.
- 1827 Умирает мать.
- 1833 Окончив корпус в числе четырех «отличнейших», получает назначение в лейб-гвардии Финляндский полк, стоявший в Петербурге.
- 1834 Прибывает в Петербург. Начинает посещать вечерние рисовальные классы Академии художеств.
- 1837 Едет в Москву в четырехмесячный отпуск. Начало романа с Екатериной Головачевой.
- 1840 Николай I предлагает Федотову выйти в отставку и заняться «баталической» живописью. Посоветовавшись с Брюлловым, просит время на обдумывание этого предложения.
- 1841 Получает звание штабс-капитана.
- 1844 Выходит в отставку. Некоторое время занимается в Академии художеств. Бросает занятия. Самостоятельно осваивает масляную живопись.
- 1848 Представил в Академию картину «Сватовство майора», становится академиком живописи.
- 1849 Показ картин на трехгодичной выставке Академии художеств сопровождается оглушительным успехом.
- 1850 Едет в Москву улаживать семейные финансовые дела. Попадает в самую гущу художественной жизни. Знакомится с Островским, Чаадаевым, Гоголем. Вернувшись в Петербург, задумывает литографировать свои картины и литографии пускать в продажу. Терпит фиаско из-за отсутствия денег.
- 1851 Юлия Тарновская предлагает Федотову себя в жены и получает отказ.
- 1852 Сходит с ума. В июне помещен в частную лечебницу близ Таврического дворца. С октября — в казенной больнице Всех Скорбящих на Петергофской дороге. Умер 14 ноября (26 ноября по новому стилю). Похоронен на Смоленском кладбище.

Свежий кавалер

(1846)

48,2 x 42,5 см

Государственная Третьяковская галерея, Москва

Работа над этим небольшим полотном длилась почти год — несмотря на то, что его фабула уже была проработана в сепии. Федотову изрядно мешала неопытность. Впоследствии он почти нежно вспоминал свои мучения со «Свежим кавалером»: «Это мой первый птенчик, которого я “нянчил” разными поправками около девяти месяцев». Что касается «программы» произведения, то автор ее излагал так: «Утро после пиروвания по случаю полученного ордена. Новый кавалер не вытерпел: чем свет нацепил на халат свою обнову и горделиво напоминает свою значительность кухарке, но она насмешливо показывает ему единственные и проды-

рявленные сапоги, которые она несла чистить». У зрителя может создаться впечатление, что Федотов выступает в «Свежем кавалере» исключительно сатириком, однако это не так. Художник сочувствует своему персонажу — жалкому человеку, празднующему жалкий праздник — получение жалкого ордена. Он чрезвычайно внимателен к нему: каждая деталь в картине очень конкретна, каждый предмет (о нагромождении их отрицательно отзывались многие коллеги Федотова, в том числе Брюллов) в его тесной комнате рассказывает о скучной и одновременно беспорядочной жизни маленького петербургского чиновника.

«Утро после пиروвания»

Комментируя «располневшую» талию служанки «орденоносца», сам Федотов говорил в «объяснительных» стихах так: «Где завелась дурная связь, там и в великий праздник грязь».

Поза «свежего кавалера» напоминает позу некоего античного героя. Она, в сочетании с довольно-таки поношенным халатом (чиновник запахнул его на манер тоги) и закрученными в бумажки волосами, придает персонажу чрезвычайно комический вид.

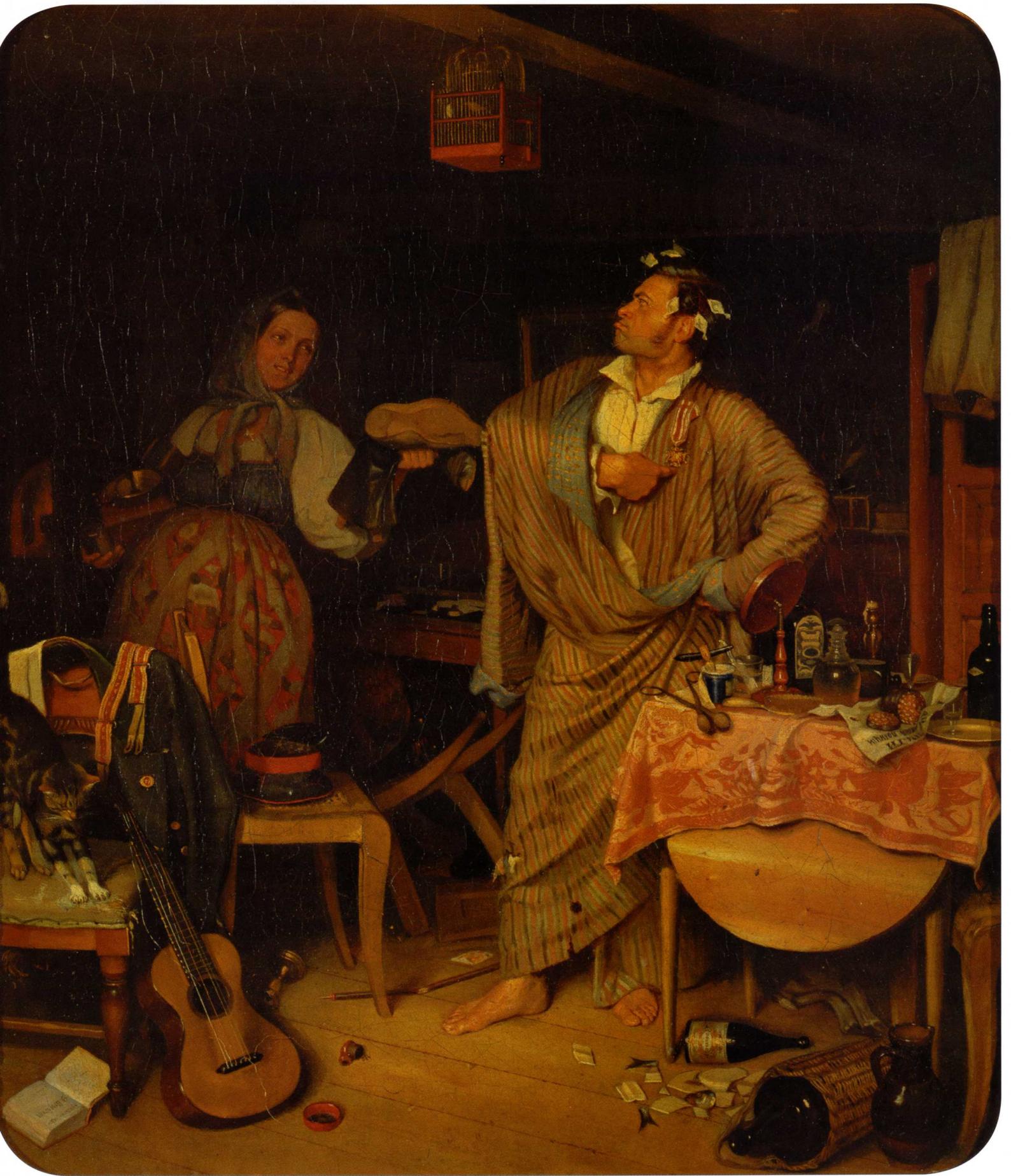

Остатки убогого пиршества и общий разгром в комнате дают нам понять, что происходило здесь вчера вечером.

Под стулом валяется раскрытая книга, но не стоит подозревать чиновника в тяге к повышению своего «культурного уровня». Это — популярный в то время роман Фаддея Булгарина «Иван Выжигин».

Завтрак аристократа

(1849—50)

51 x 42 см

Государственная Третьяковская галерея, Москва

Тема показного благополучия, «пускания пыли в глаза», занимала Федотова и до работы над этой картиной. Он не раз обыгрывал ее в своих графических произведениях (одно из них сопровождалось характерной надписью: «Эх, русская барыня, напоказ живешь!»). Но «Завтрак аристократа» лишен той нарочитой карикатурности, что свойственна Федотовской графике. Сюжет здесь, как и в прочих картинах Федотова, «лежит на поверхности»: обедневший аристократ завтракает в своей изысканной комнате (быть может,

большая часть изящных вещиц, украшающих ее интерьер, скоро пойдет с молотка за долги). Заслышав шаги гостя (второе название картины — «Не в пору гость»), он то ропливо накрывает книгой свой скудный завтрак — единственный кусок ржаного хлеба. На примере этого полотна искусствоведы обыкновенно говорят о влиянии Брюллова на творчество Федотова. Оно проявляется, главным образом, в использовании «типично-брюлловской» цветовой гаммы — зеленых, синих и малиново-красных тонов.

Блеск и нищета

Все в этом небольшом «кабинетце» говорит об изящных вкусах хозяина. Даже на шкафу, куда вряд ли часто достигает взгляд гостей, стоит весьма недурная скульптурная группа.

Мы не видим гостя, пришедшего так не вовремя (показана лишь его рука, отодвигающая занавесь). Но взгляды хозяина и пуделя, обращенные к дверному проему, заставляют и нас напряженно вглядываться в него.

Жалко и нелепо выглядит рядом с «аристократическим завтраком» афишка с надписью «Устрицы», лежащая на стуле как бы напоказ.

Обедневший отпрыск когда-то, несомненно, славного рода спешно прожевывает кусок черного хлеба, готовясь встретить нежданного гостя.

Вдовушка

(1851—52)

57,8 x 44,8 см

Государственная Третьяковская галерея, Москва

Замысел этой картины начал складываться у Федотова еще зимой 1850 года, во время его поездки в Москву, где ему пришлось заниматься устройством дел своей овдовевшей сестры Любиньки, оставшейся после смерти мужа-писаря, горького пьяницы, в самом бедственном положении: крошечный домик, ее единственное имущество, грозились продать за долги, к тому же она ожидала ребенка. Работа над «Вдовушкой» шла мучительно. Три законченных варианта картины и один недописанный — таков итог усилий двух лет. В сущности, только первый из них явил-

ся результатом непосредственных семейных впечатлений Федотова. В остальных он последовательно стремился ко все большему обобщению, изгоняя лишние предметы, прорабатывая и предельно «осмысливая» оставшиеся детали, меняя лицо и позу вдовы. Представленный в нашем выпуске третий вариант «Вдовушки» искусствоведы считают наиболее совершенным. Когда автор показал его Льву Жемчужникову, тот воскликнул: «Как это хорошо и как просто!» На это Федотов ответил иронически: «Да, будет просто, когда переделаешь раз со сто».

Бедственное положение

В поисках нужного лица для своей «Вдовушки» Федотов исходил вдоль и поперек Смоленское кладбище, напряженно вглядываясь в молодых вдов, присматривался ко всем женщинам на улице, рисовал знакомых. Есть в женщине, изображенной им, и черты Венеры Медицейской.

На стуле в глубине комнаты стоит горящая свеча. На ней «официальные лица» грели сургуч. Почти все вещи в комнате осквернены казенным сургучом. То, что осталось вдове, — комод, икона, пальцы — оттеснено в угол комнаты, как бы уже исторгнуто из нее (ибо и дом уже не принадлежит вдове — дверь опечатана).

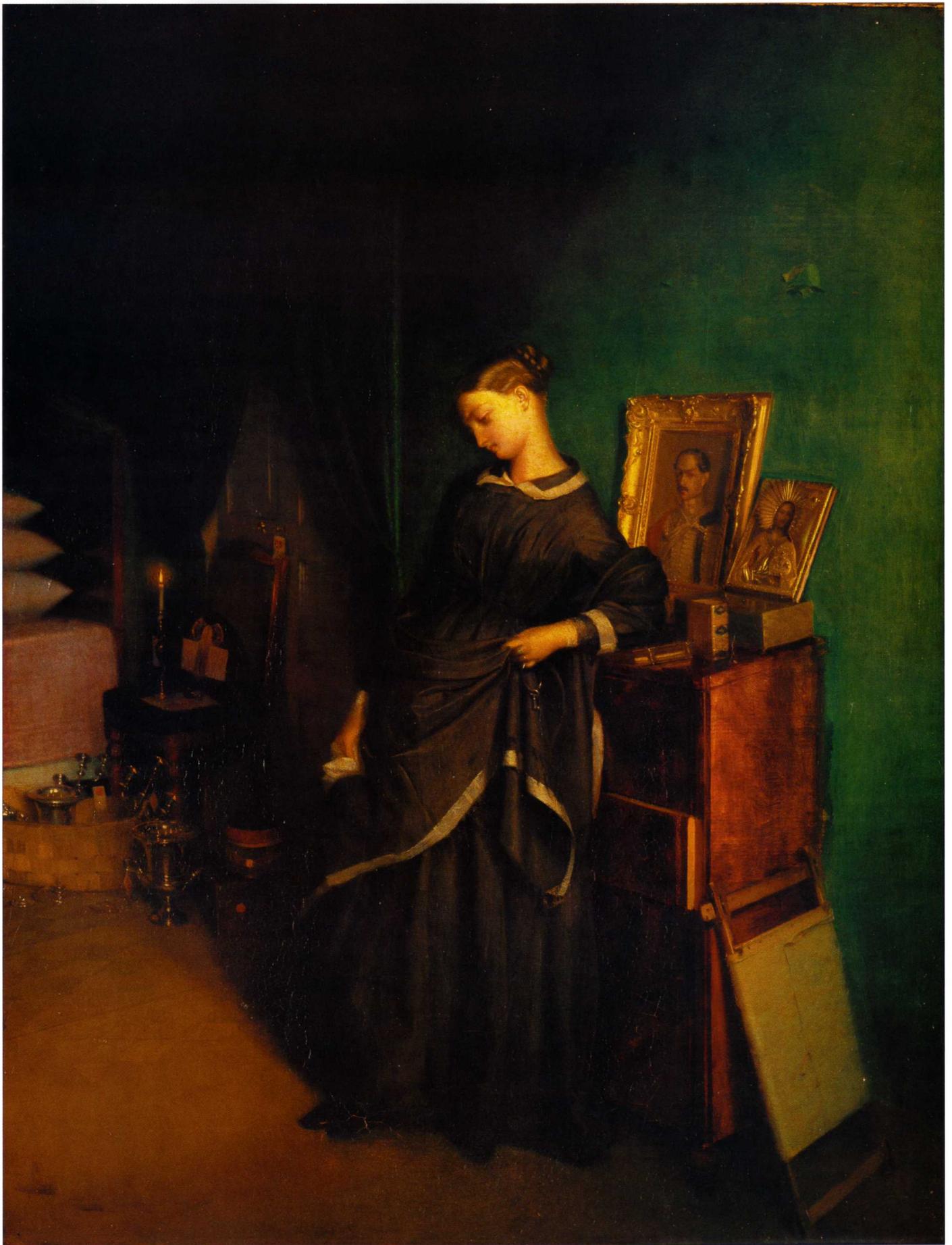

На портрете, стоящем рядом с иконой (судя по сюжету, это должен быть портрет умершего мужа несчастной женщины), Федотов изобра-

зил самого себя, что дало исследователям повод говорить о том, будто художник «напророчил» себе раннюю смерть.

Заботливо обернутые тряпицей пальцы напоминают зрителю о мирных семейных досугах, когда-то неспешно протекавших в этой комнате. В первом и втором вариантах картины на комод стояло еще и блюдо с цветными клубками, но потом художник отказался от него, поскольку оно вносило в композицию ненужную пестроту.

Игроки

(1852)

60,5 x 70,2 см

Музей русского искусства, Киев

Исполинская скука

Согласитесь, читатель, что в «Игроках» есть нечто inferнальное. Картины, на которых ничего «не нарисовано», длинные тени, каменные позы персонажей. И из каждого угла встает, нависая над игроками, образ гоголевской «исполинской скуки».

Проигравший (Федотов писал его с самого себя) сидит за столом в состоянии, близком к умопомешательству. Его искаженное идущим снизу светом лицо выглядит почти смешным — оскаленный рот, недокуренная папироса в нем — и одновременно трагичным.

Особое, красноватое, освещение создается благодаря свече, стоящей за бутылкой. Другие источники света не играют столь важной роли в этой картине.

Фигуры остальных игроков имеют в себе что-то неподвижное, нечеловеческое. Словно это даже не люди, а какая-то нежить. Интересная деталь: некоторые исследователи предполагают, что в центральной, самой большой раме, находится зеркало. Так вот — никто из персонажей в нем не отражается.

Долгое время об этом полотне почти никто не знал. Оно находилось в частном собрании, и считалось, что последней законченной картиной, созданной Федотовым, была «Вдовушка». Что удивительно, «Игроков» обходили молчанием даже друзья художника, вхожие в его мастерскую. Например, в воспоминаниях Дружинина об «Игроках» нет ни слова, хотя трудно представить себе, чтобы он не видел этой работы или хотя бы одного из множества подготовительных рисунков к ней, сделанных Федотовым. Надо полагать, что, замалчивая «Игроков», близкие живописца искренне думали, что оказывают ему (или, вернее, его памяти) добрую услугу. Ибо

понять эту картину, прочувствовать ее «духовную подкладку» в середине XIX века, конечно же, было невозможно. В лучшем случае, она могла вызвать жалость к больному художнику (в июне 1852 года он был помещен в сумасшедший дом). Разумеется, нельзя отрицать, что многие черты «Игроков» (прежде всего — самая их атмосфера) обусловлены начинавшимся душевным недугом автора. Но то было не начало распада, а блистательный финал, апофеоз федотовского дарования. Начав свой творческий путь почти лубочными картинками, он завершил его трагическим полотном, кричащим о том, что идеал в жизни недостижим.

Сватовство майора

(1848)

58,3 x 75,4 см

Государственная Третьяковская галерея, Москва

Федотов известен современному зрителю. Знают и его «Вдовушку», и «Завтрак аристократа», и «Разборчивую невесту». Да почти все значительные картины — знают. Но «Сватовство майора» в творчестве Федотова — это то же самое, что «Бурлаки на Волге» в творчестве Репина или «Утро в сосновом лесу» у Шишкина. То есть, вещь не просто известная, а знаменитая. Визитная карточка художника. Надо сказать, что оценено публикой «Сватовство майора» было сразу же. Меценат и вице-председатель Общества поощрения художников Ф. Прянишников предлагал мастеру за эту картину две тысячи рублей серебром. Журнальные отзывы пестрели похвалами Федотову. Отметим, однако, что далеко не всегда публика ценила собственно живопись «Сватовства». Гораздо более она увлеклась его сюжетной новизной. Устав от Ахиллесов и Гекторов, посетители выставки искренне заплотировали мастеру, увидев в его картине отражение своего собственного бытия. Все было узнаваемо здесь — интерьер, характеры. Даже кулебяка была написана с натуры. «Завтра вам покажется, — писал М. Погодин, обращаясь к первым зрителям федотовского шедевра, — что не картину видели, а что были у этого купца на его квартире в Таганке».

Русский жанр и модный брак

Развитие русской жанровой живописи началось, в сущности, с Венецианова. Впрочем, «питалась» она не только отечественными традициями, но и западноевропейскими.

Павел Федотов считается родоначальником русского жанра. И с этим трудно не согласиться. До него жанровая живопись почти не выходила за порог домашних мастерских художников-дилетантов. Если говорить о мастерах старшего поколения, то, пожалуй, лишь у Венецианова мы можем найти зачатки того, что впоследствии развилось в жанровую живопись в творчестве

Федотова, Перова и других. Однако у Венецианова если и жанр, то совершенно особенный, как бы лишившийся сюжета. Лишь в конце жизни у художника обострился интерес к жанровой картине в классическом понимании, доказательством чему служит, например, «Возвращение солдата». Федотов, впрочем, не слишком ориентировался на отечественные образцы подобного рода. Гораздо большим авторитетом в этой области пользовался у него Хогарт. Особенно вдохновляла нашего героя хогартовская серия «Модный брак», известная ему в гравюрах. После «Сватовства майора» он предполагал написать еще несколько картин, в которых бы последовательно изображалась жизнь супругов после свадьбы. Из этой затеи ничего не вышло. Но Хогарт все равно остался для Федотова образцом жанриста, хотя, по общему мнению друзей и критиков, в «Сватовстве майора» он «переплюнул англичанина».

© А. Венецианов. Возвращение солдата. Холст, масло. 79x97,5. Ж: 12093. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2010

«Возвращение солдата» (1830–е) кисти Венецианова.

«Брачный контракт» (1743–45) Уильяма Хогарта.

Воссоздаем работу Федотова

В поисках героев и деталей для этой картины Федотов обрыскал весь Петербург. Довольно долго он не находил ничего подходящего. Его тянуло в Москву — за настоящим купеческим бытом, — но в древнюю столицу выбраться так и не довелось. И вдруг чудо — у Аничкова моста встретился купец. Тот самый. С окладистой бородой, солидным брюшком, без европейского лоска. Отец семейства. Федотов шел за ним до дома, выпросил о нем всю подноготную у дворника и начал «ухаживать». Купец долго отказывался позировать («грех один!»), но художник все-таки уломал его, умаслил. Потом он вспоминал об этом сеансе: «Ни один счастливцев, которому было назначено на Невском проспекте самое приятное рандеву, не мог более обрадоваться своей красавице, как я обрадовался моей рыжей бороде и толстому брюху».

В поисках нужной «залы» тоже пришлось немало попотеть. Эти поиски выглядели иной раз весьма комично. Федотов заходил в купеческие дома под самыми разными предложениями, производя иной раз на обитателей мирных гнезд впечатление, мягко говоря, странное. То он спрашивал, не сдается ли квартира, не продается ли дом или что-либо из предметов мебели. То, вызвав прежде стороной, чем занимается хозяин, приходил к нему с неопределенными деловыми предложениями. И всякий раз засиживался в гостиной дольше, чем этого требовали мизерные предложения, под которыми он являлся. А подходящую комнату, как ни странно, нашел, в конце концов, в трактире. Люст-

«Офицер и денщик» (1851—52). Быть может, когда-то сватающийся майор был таким же молодым армейским офицером и точно так же разгонял гарнизонную скуку игрой с котенком.

ра, стены, выкрашенные в мутный цвет, — все «так и лезло в картину».

«Первое утро обманутого молодого» (1844) — еще одна «брачная» работа Федотова, однако выполненная в ином ключе.

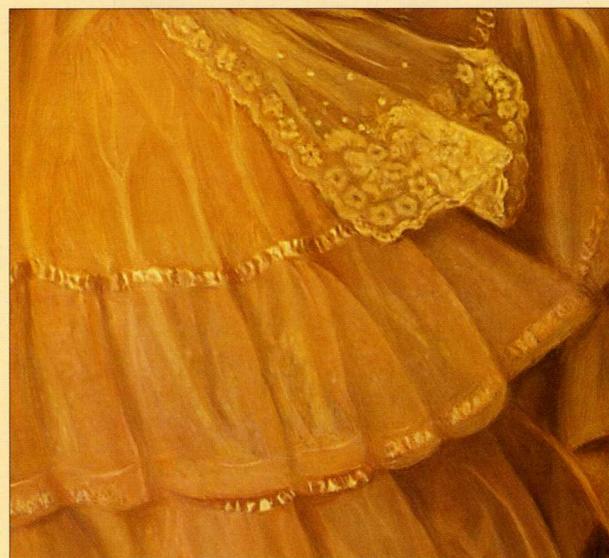
1. ПОДМАЛЕВОК

На этот раз наш художник выбрал для воссоздания фрагмент кружевного подола невесты. В самом начале работы он, как обычно, выполнил подмалевок под разные оттеночные зоны фрагмента и приготовил исходную смесь желтой охры, натуральной тердисиены и белил. Для более темного оттенка художник добавил в эту смесь берлинскую лазурь. Смесь для верхнего правого угла фрагмента была использована та же — но с большим количеством натуральной тердисиены и берлинской лазури и добавлением обожженной тердисиены. Чтобы закрасить правый нижний угол, в исходную смесь наш художник добавил ализариновый кармин, синий кобальт и белила.

2. ТЕНИ И КОНТУРЫ

Приняв выполненный на первом этапе подмалевок за самый светлый тон для каждой цветовой области, на этом этапе наш художник принялся за проработку ткани, стараясь сделать так, чтобы сквозь верхний слой тюля просвечивала нижняя юбка. Для оттенения двух самых светлых областей использовалась лессировочная смесь желтого кадмия, красного кадмия, натуральной тердисиены и белил. Контуры складок здесь были написаны широкими мазками смеси натуральной тердисиены, желтого кадмия и берлинской лазури. Тени и контуры складок ткани на темной области подмалевка воспроизводились полужесткой кистью — смесью желтой охры, берлинской лазури и обожженной тердисиены.

3. СКЛАДКИ КРУЖЕВА

На завершающем этапе были воссозданы самые светлые детали фрагмента: кружево, его складки и атласные ленты. Для этого наш художник приготовил лессировочную смесь желтого кадмия, желтой охры, лимонной желтой и белил. Ею он написал складки платья и кружевной шарф. Чтобы придать контрастность «атласным» бликам на лентах, художник использовал смесь лимонной желтой, постоянной желтой и белил. Для их оттенения применялась смесь желтого кадмия, постоянной желтой, желтой охры, белил и обожженной тердисиены.

Сладится ли дело?

Быт и нравы

Семья купца, как видно, живет «по-простому». Обязанности горничной и лакея выполняет в их доме кухарка. Обратите внимание на молодого человека, нашептывающего ей что-то на ухо, — это сиделец из лавки. Он, судя по всему, чувствует себя в этой гостиной вполне своим человеком.

Купчиха

Мать с притворной строгостью (но, тем не менее, твердой рукой) хватается «за хвост»: «Не дури!» В ее лице и во всей фигуре нет ничего такого, что напоминало бы о «темном царстве». Не выглядит она ни Кабанихой, ни забитой женой купца-самодура. Обычная, простоватая и добрая, женщина, так и не научившаяся носить «барские платья».

Невеста

Трудно сказать, просто ли жеманится — «по девичьему обычаю» — невеста или в самом деле растеряна и смущена поднявшейся вокруг нее персоны суетой.

Отец семейства

Купцу вот-вот предстоит встретить гостя. Он суетливо застегивает сюртук и с некоторым испугом смотрит на сваху, приведшую сомнительного (нищий!) и одновременно соблазнительного (благородный!) жениха. Как знать, быть может, в эту торжественную минуту почтенному «коммерсанту» вспоминается начало его карьеры, когда он, мальчишкой, прислуживал в лавке и получал колотушки от последнего из приказчиков. И вот — отдает дочь за дворянина.

Шампанское

К шампанскому в этом доме, вероятно, привыкнуть еще не успели, и подать-то его изящно не умеют. Бутылка и бокалы сиротливо приткнулись на стуле.

Жених

Майор стоит в дверях, напряженно подкручивая ус и подтягивая солидное брюшко. В обрюзгшей его фигуре очень мало «жениховского». Но кто попрекнет его тем, что он молодится, не желая ударить в грязь лицом перед невестой и ее родней?

Самоучка

Художественный опыт Федотова уникален. Самостоятельно освоив технику масляной живописи, он сумел избавиться от «анекдотичности» своих первых работ и создал картины, поражающие зрителя трагизмом мировосприятия.

У слова «самоучка» есть масса обертонов и подсмислов; в том числе — и «снисходительный». Мол, о ценности достижений говорить не приходится, но ведь человек старался, надо его уважить. В случае с Федотовым все по-другому, хотя и он был самоучкой в самом непосредственном значении этого слова. Его эпизодические факультативные «набеги» в Академию, разумеется, не в счет — вряд ли художник вынес из них что-либо существенное.

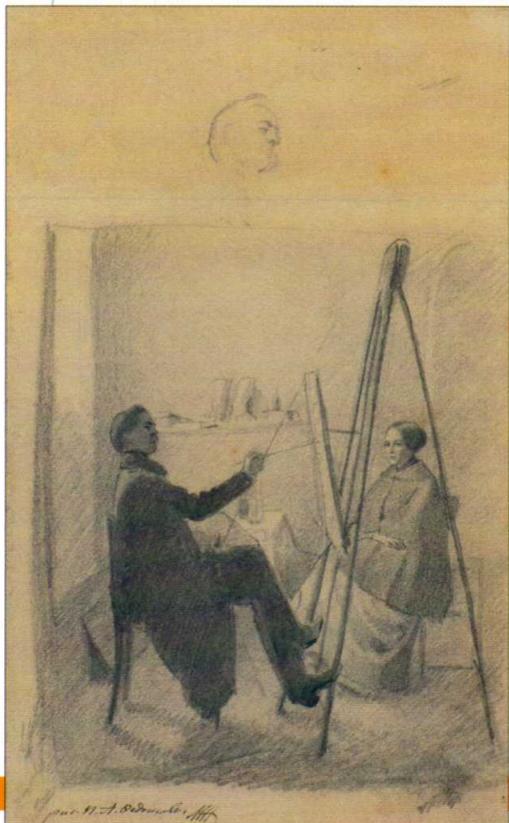
Существенное обрелась Федотовым в его многочисленных прогулках по городу, внимательном всматривании в окружающий мир, поиске натуры, домашних технических штудиях, придумывании для себя оригинальных художественных упражнений. Шутка ли — Федотов, ушедший в 1844 году в «вольные художники», не умел писать маслом! Но ведь научился — и научился совершенно самостоятельно, без чьей-либо помощи. На это потребовался целый год «отшельничества».

Сам Федотов позже отсчитывал свою художественную работу от времени поступления в Финляндский полк, хотя

известно, что он много рисовал и в Кадетском корпусе. Пожалуй, в этом художник прав — «кадетские» карикатуры ничем не отличались от других его дилетантских увлечений, будь то игра на гитаре, сочинение романсов или писание стихов. Впрочем, при этом он, конечно, «набивал руку» в графическом мастерстве — неутомимый рисовальщик Федотов родился именно в Кадетском корпусе. Поначалу ничего не изменилось и тогда, когда молодой человек стал офицером. Разве что прибавилось свободного времени. Захотелось разнообразить технику. Появилась потребность выделиться чем-то среди товарищей — тут свою роль сыграли особенности психологии, свойственной молодому возрасту. Федотов, однажды занявшийся «сооружением» «юбки» для чубука, заказанной его сослуживцем, вдруг потерпел

Рисунки

Федотов был неутомимым рисовальщиком. Зарисовки различных человеческих типов, бытовых деталей, психологических «характеристик» для него были непременно предварительным этапом создания любой картины. Прежде чем расположить и написать в цвете, следовало собрать. И он бродил по городу, «фотографируя» в памяти увиденное, а потом перенося на лист бумаги. Эти городские прогулки описаны приятелем художника А. Дружининым: «Ему попались писцы, отправляющиеся в должность, финляндские солдатики, скидывавшие по старой памяти перед ним шапки, потом хозяйки, в сопровождении горничных идущие к рынку, художники, подвигающиеся по направлению к Академии, разносчики и купечество окрестностей Андреевского рынка... Там он видел чухонцев, игравших в носки у дворника, в другом месте ему удалось идти следом за двумя толстенькими девочками, отправлявшимися в пансион... Около домика он заглянул в окно и узрел бедного мужа, забившегося в угол, между тем как сожительница кричала на весь дом и прохожие останавливались...» Все это запечатлевалось в рисунках, подобных рисункам «Художник, пишущий портрет» (слева) и «Квартальный и извозчик» (вверху).

Акварели

Акварели стоили Федотову немало труда — и все из-за придуманной им манеры их исполнения. Все они относятся к раннему этапу творчества художника, хотя в них уже можно рассмотреть истоки будущей его тщательности. Всякая деталь тут прорабатывалась Федотовым загодя, изучалась, изображалась в нескольких вариантах. Наш герой не работал в акварелях широким, легким мазком, к чему как бы побуждает сама техника, — нет, он кропотливо выписывал любую частность, в наиболее ответственных местах пользуясь даже лупой. В композиционном отношении такое «крохоборство» выходило боком — федотовские акварели, при всей их верности натуре, страдают отсутствием движения, даже если это движение и заявлено в сюжете. Примером тому может служить работа «Уличная сцена в Москве во время дождя», 1837 (внизу), выполненная во время четырехмесячного отпуска подпоручика Федотова. Впрочем, эта акварель довольно примечательна — в ней автор эффектно увеличивает содержательную и пространственную «емкость» изображения за счет открытых окон и как бы «распахнутых» закоулков. Есть в наследии Федотова и акварельные портреты — например, «Портрет отца», 1837 (справа), донесший до нас выразительный образ Андрея Илларионовича Федотова.

поражение и понял, что «к рисовке цветов вовсе не способен». После этого он принялся осваивать «рисовку цветов», а заодно и технику акварели. И успешно освоил. Именно технику — в композиционном отношении его акварели были не слишком удачны.

Тематически Федотов пока не выходил за стены казармы, за границы плаца и военного лагеря. В том, что он заинтересовался новыми сюжетами, во многом «повинны» его походы в Эрмитаж. Там он обрел первых учителей. Ими стали голландец Адриан ван Остаде (1610—1685) и фламандец Давид Тенирс (1610—1690). Федотов с восторгом, хотя и не без комического преувеличения (а поостроумничать наш герой очень любил), пересказывал приятелям-офицерам содержание картин этих мастеров. То есть его уже привлек жанр, но жанр, если можно так выразиться, «карикатурный», «смешливый», соответствующий его натуре.

Художественные занятия между тем набирали силу и приобретали элементы «системы». Федотов посещал вечерние рисовальные классы в Академии художеств, копиро-

вал там «оригиналы» (то есть гипсы, повторяющие античные скульптуры), завел гипсы и у себя дома, развешивал в своей квартире драпировки, пытаясь выразительно изобразить их на листе бумаги, изучал пособие по пластической анатомии, строил гримасы перед зеркалом, стремясь «схватить» их. Ему уже очень хотелось «выскочить» из надоевшего «любительства», вырасти в настоящего художника. Вокруг говорили, что «делает похоже», но ему теперь этого было мало.

Распрощавшись с военной службой, Федотов не пошел, как того хотел император, в «баталисты». Он превратился

«Баталистика»

То, что Федотов начал с военных сцен, вполне естественно. Жизнь армии он знал не понаслышке, в этом было большое преимущество. Но «баталистика» его очень своеобразна. Снова цитируем А. Дружинина: «Федотов понимал военную живопись по-своему и так называемых баталических картин, с большими массами пехоты и конницы, с дымом и правильными движениями колонн, рисовать никогда не собирался. Его в тысячу раз более привлекало изображение эпизодов малой войны, бивуаков, перевязочных пунктов, казарменных уголков, — одним словом, сцен немногосложных и отличающихся от живописи домашних сцен только тем, что фигуры одеты по-военному и имеют при себе оружие». Как видим, дальнейший переход Федотова к традиционному «штатскому» жанру был логичным. Он сам снял шинель, погрузился в частную жизнь невоенного человека — то же самое сделали и его герои. Оставалось лишь избавиться еще от элемента «красивости» и «театральности», которым грешили его «баталические» рабо-

© П. Федотов. Встреча великого князя Михаила Павловича в лагере лейб-гвардейского Финляндского полка В. VII. 1837 г. Эскиз акварели. Бумага желтая, тушь. 26,3х37,1. Р-7050. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2010

ты, и решить для себя, что такое художественная правда, не имеющая, конечно же, никакого отношения к правде бытовой детали. На этой странице мы воспроизводим типичную федотовскую «баталистику» — картины «Встреча в лагере лейб-гвардии Финляндского полка великого князя Михаила Павловича 8 июля 1837 года», 1838 (вверху) и «Бивуак лейб-гвардии Гренадерского полка. Установка офицерской палатки», 1843 (слева).

оба глаза...» Федотов наконец-то нашел пример, на который собирался равняться. Познакомившись с гравюрами Хогарта в «Живописном обозрении», он задумал стать «русским Хогартом». Федотова поразила как сатирическая манера исполнения, так и сама идея «серий», шаг за шагом раскрывающих какой-то бытовой сюжет. Иначе говоря, его увлекла напряженная драматургия,

на время в «гуляку праздного», собирателя сюжетов и мелочей природы. «Моего труда в мастерской только десятая доля, — растолковывал позже мастер, — главная моя работа на улицах и в чужих домах. Я учусь жизнью, глядя в

вещь неслыханная в тогдашней русской живописи. В то время он записал: «Если царь спросит, чего я хочу? — Успокоить старость бедного отца, пристроить сестру и помочь затмить знаменитого Гогарта...»

«Хогартиана»

Задумав пойти по хогартовскому пути, Федотов в 1844 году наметил для себя ближайшие семь сюжетов, которые должны были развернуться в живописные циклы — каждый из них призван был шаг за шагом иллюстрировать один сюжет, почерпнутый из жизни разных социальных слоев российского общества. Вообще говоря, художник, приступая к работе, замахнулся на то, чтобы создать — ни много, ни мало — живописную «энциклопедию русской жизни». Все придуманные Федотовым сюжеты несколько смахивали на социальную сатиру, хотя, надо думать, ни о какой политической критике художник не помышлял, а просто, сам смешливый по натуре, хотел высмеять пороки и подвигнуть людей избавиться от них. Было во всем этом и много нового для русской живописи — драматургия действия, острый психологизм, внимание к конкретному характеру. Замысел впечатлял окружающих, но в законченные циклы он так и не претворился. Хотя все известные картины Федотовы выросли из этих сюжетов. Но, что-

бы развернуть их в эпопею, не хватило ни сил, ни времени. Да и желания. В какой-то момент Федотов остыл, его увлекли новые задачи. «Кончина Фидельки», 1844 (слева) — один из этих сюжетов. Другой — созданная несколько позже, в 1846 году, сепия «Бедной девушке краса — смертная коса (Мышеловка)» (вверху).

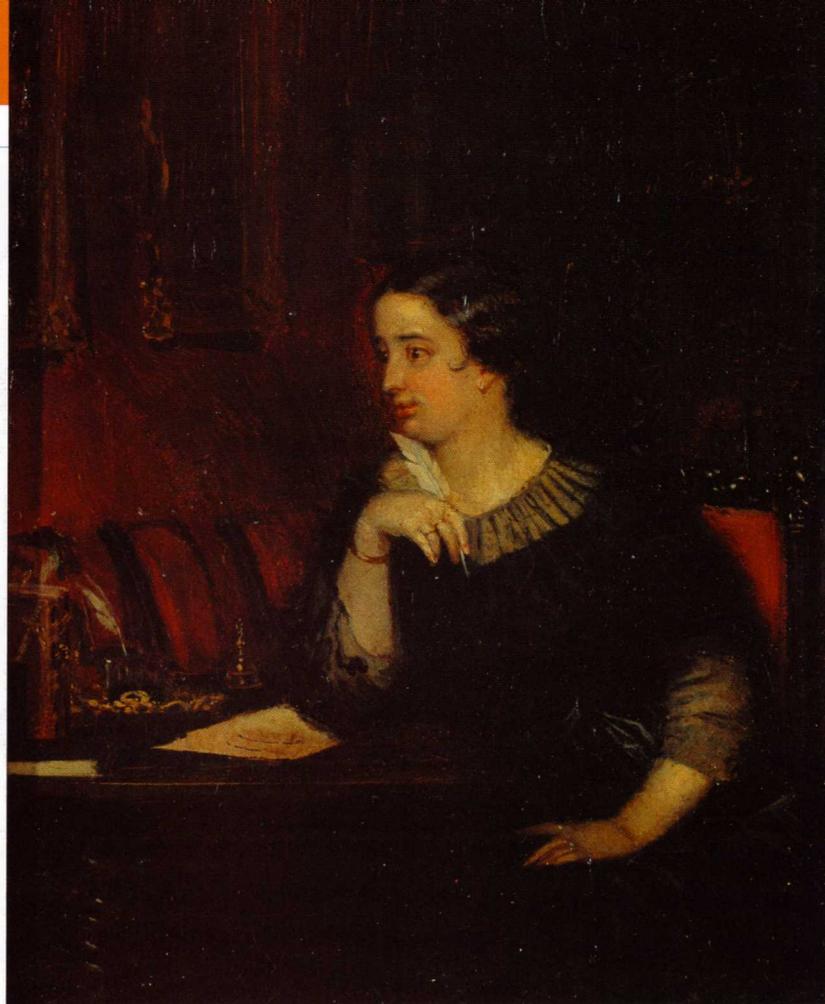
Наш герой тут же придумал сюжеты семи серий и сепии набросал их, как бы запланировав свою жизнь на многие годы вперед. Нужно было начинать писать маслом, а этого он не умел делать. Немыслимо, но, «выпав» на целый 1845 год из поля зрения своих приятелей, Федотов освоил эту технику! В первых своих картинах, выполненных маслом, он овладевал цветом, учился выстраивать композицию, дающую цельный образ, разбирался в тонкостях тональной нюансировки, все лучше и лучше распределял светотень. Не все и не сразу получалось. И колорит иногда оказывался на

границе фола, и «преизбыток» предметов временами превращал картину в «энциклопедию вещей», и сюжет, бывало, оказывался плоским — он полностью проговаривался в стихотворных объяснениях, и тогда становилось ясно, что собственно картину писать незачем.

Метод работы Федотова можно в полной мере назвать «реалистическим». По свидетельству А. Дружинина, он испытывал «глубокое отвращение к рисовке предметов из головы, то есть без натуры перед глазами». Любовь к реальному предмету играла с Федотовым, случалось, злую шутку. Он терял чувство меры, переполняя свои композиции деталями, которые, превысив некий допустимый предел, переставали работать и вообще разваливали композицию. Но упорные композиционные штудии принесли свои плоды. О них дает представление то, как Федотов, например, работал над — так, впрочем, и не исполненной — картиной «Посещение Николаем I женского Патриотического

Портреты

В портретном жанре Федотов работал на протяжении всей своей творческой жизни. Очень много он создал графических портретов, когда служил в Финляндском полку. «Федотов, — отмечал А. Дружинин, — набил свою руку до того, что мог шутя, одною чертою, изображать того или другого из своих приятелей, товарищей и начальников». При этом сам художник не однажды говорил о своей нелюбви к портретному искусству: «Можно ли уловить, — спрашивал он, — душу человека, пришедшего именно с той целью, чтобы с него писали портрет?» Между тем, в середине 1840-х годов активность его в портретном творчестве необычайно выросла. Из-под его кисти тогда вышло огромное количество крошечных портретов — таких, как «Портрет К. Флуга», 1847 (внизу). Размер последнего —

всего 11 на 14 сантиметров. Но в данном случае интерес Федотова был функционален — это было время самостоятельного освоения им техники масляной живописи, и портреты служили тут своеобразной школой. Денег за эти работы художник, страшно стесненный в средствах, не брал. Известно его письмо к Ждановичам, пытавшимся в такой форме помочь своему другу: «Дружба наша не потерпит ущерба от того, что вы ее не будете переплавлять в деньги, — она, чистая, право, дороже». «Портрет гр. Е. П. Ростопчиной», 1850 (вверху) Федотов написал по памяти в знак благодарности к московской поэтессе, ставшей его доброй приятельницей.

института». Он специально посетил институт, обмерил все необходимое, зарисовал зал с колоннадой и хорами, сделал массу набросков девочек и девушек. У себя дома художник сконструировал модель зала, обклеив колонны «под мрамор», а пол — «под дерево», изготовил сотню фигурок из гороха, «построил» правильное освещение, подсветив «событие» лампой.

Такая дотошность помогла Федотову справиться с преследовавшими его художественными проблемами, подтверждением чему явилось его «Сватовство майора». Увидев эту картину, Брюллов заявил автору, что он «обогнал» и его самого, и Хогарта: «У него карикатура, а у вас — натура». Это было высшее признание.

Собственно, технически расти Федотову дальше было некуда. Вся его дальнейшая эволюция лежала в содержательной, «философской», плоскости. До этого мастер мыслил свои картины инструментом «исправления нравов», повторяя зады эстетики эпохи Просвещения. В какой-то момент вера в эту миссию рухнула. Идеалист по натуре, Федотов понял, что в современной ему жизни достижение идеала невозможно. В его творчество вторгся абсурд, вторглось ощущение бессмысленности человеческого существования. Именно эти настроения царят в последних двух полотнах Федотова — «Игроки» и «Анкор, еще анкор!». Такая катастрофа не могла пройти бесследно. К чему она привела — мы уже знаем.

Сепии

Вся «хогартiana» Федотова выполнена сепией — светло-коричневой краской, добываемой из мешка одноименного морского моллюска. Масляными красками тогда художник писать не умел; акварельные отверг по причинам, о которых можно лишь догадываться. Видимо, он боялся инерции своей прежней акварельной работы, боялся слишком «принарядить» свои сюжеты. Сепия же позволила ему, избежав этого, добиться живописного эффекта; ею удалось выстроить тональный «спектр», показать разнообразные оттенки, определить «теплые» и «холодные» цветотовые участки. Работал Федотов увлеченно и потому быстро, создал все семь задуманных сепий в 1844 году в течение полугода.

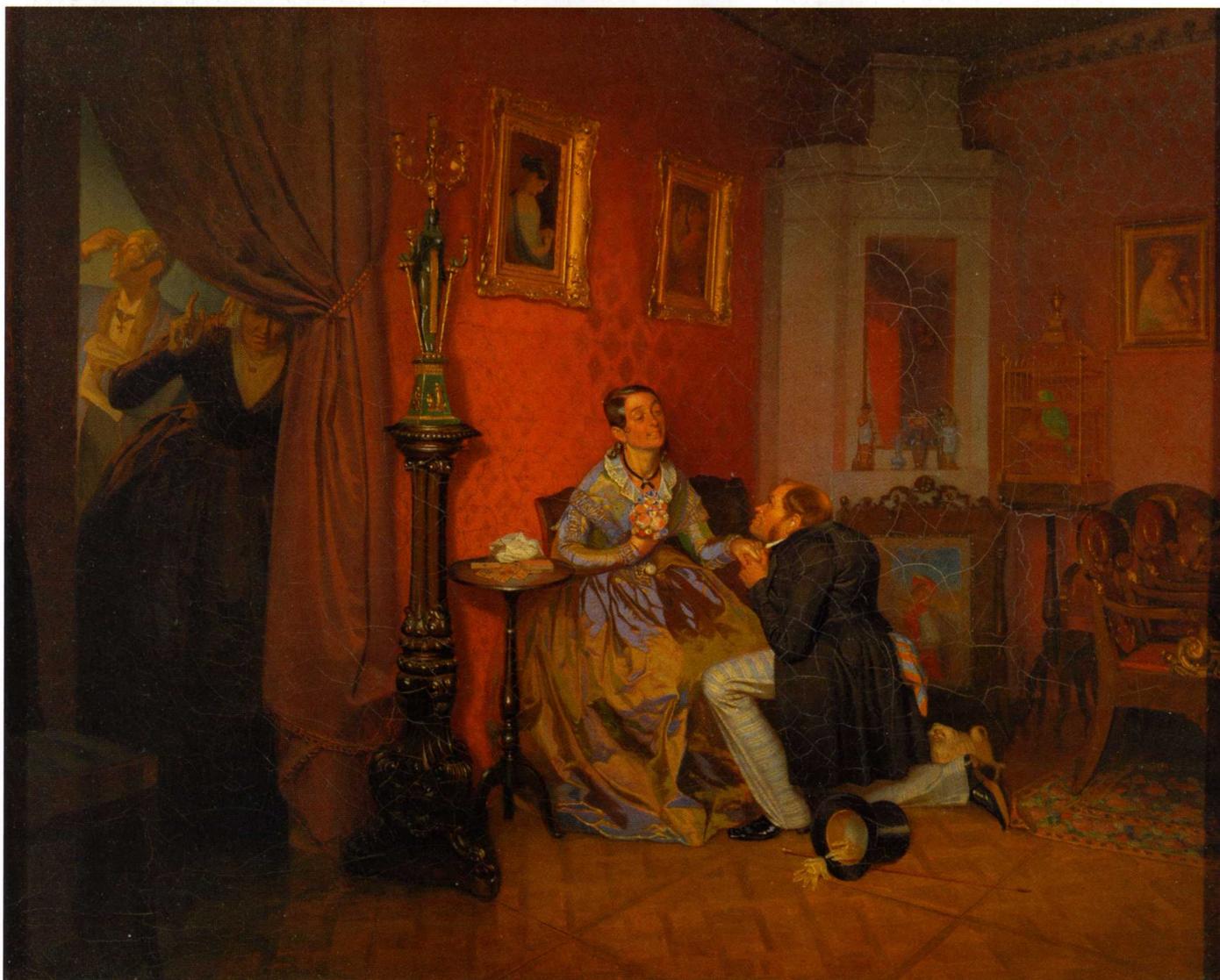
Этот труд стал хорошей тренировкой, хотя, строго говоря, о каком-нибудь выдающемся результате тут говорить не приходится. Федотовские сюжеты страдали «анекдотичностью»; его герои, вроде бы найденные и подсмотренные в жизни, исполняли предписанные роли, а это сильно смахивало на заданность академической живописи. Вещи громоздились друг на друга, в композициях сквозила прямолинейная назидательность. Взгляните на воспроизведенные здесь сепии — «Магазин» (внизу) и «Художник, женившийся без приданого в надежде на свой талант» (вверху) — и вы без труда обнаружите все это в них. И тем не менее, не забудем — именно из этих сепий вырос крупнейший русский художник Павел Федотов.

На пороге абсурда

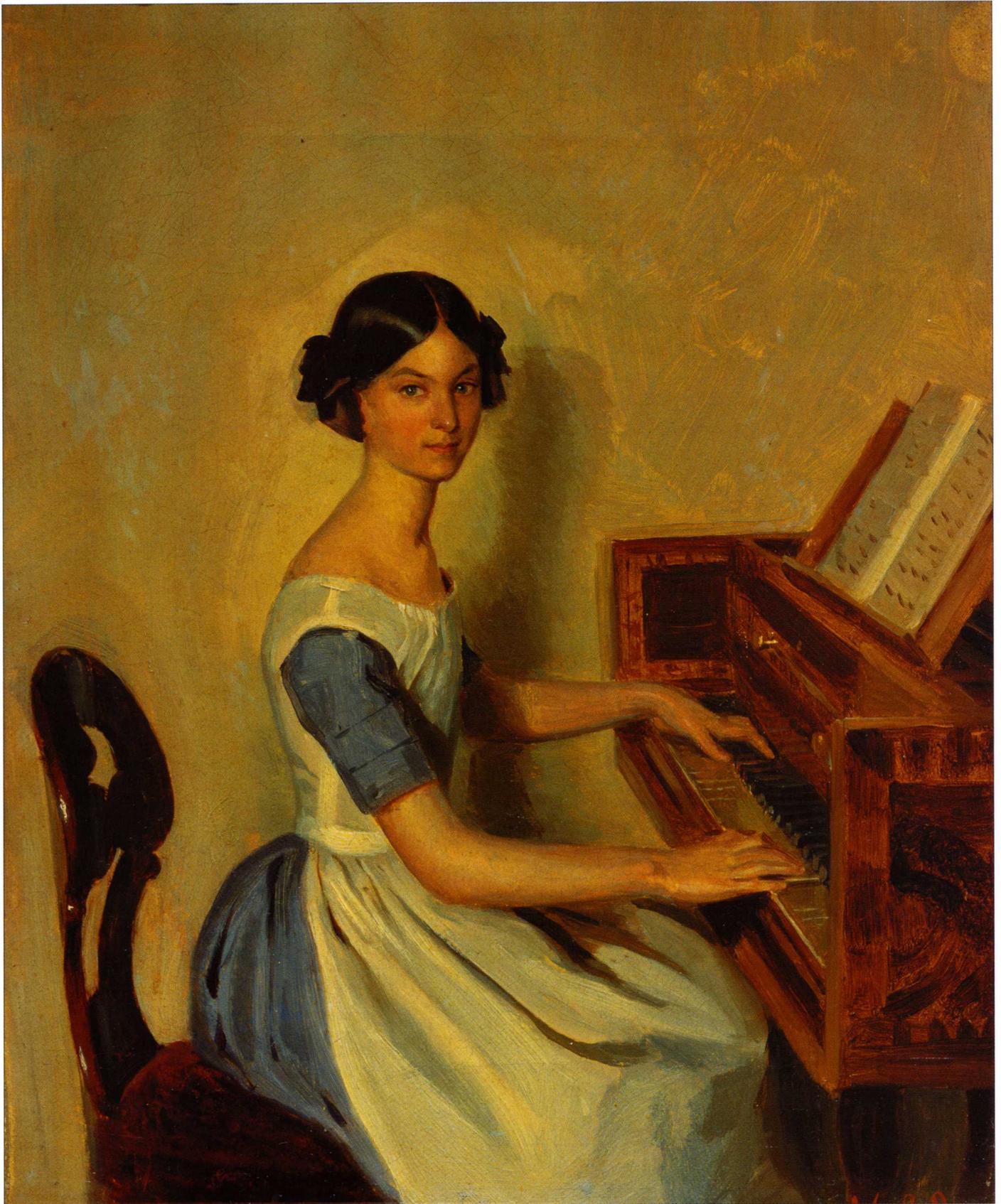
При всем том, что в своей частной жизни Федотов как будто был вполне дюжинным человеком, есть в его судьбе что-то, отдающее метафизикой. Художника вел огромный дар, заставляя бороться со стереотипами, вынесенными из той социальной среды, в которой он вырос и прожил первые свои двадцать пять лет. Там — записной остроумец, добросовестный офицер, вечный дилетант, умеющий нарисовать карикатуру и сыграть на гитаре, здесь он стал крупнейшим живописцем, наделенным поистине нечеловеческим зрением. Он видел вокруг то же, что видели другие, но видел — дальше, глубже, точнее других. Все по-

пытки рассматривать его картины по ведомству нарождающегося «критического реализма» смехотворны, потому что в зрелом Федотове важна не социальная проблематика, а трагическое ощущение абсурдности человеческого бытия. Страстно мечтавший об идеале, воплощенном в жизни, он без устали искал его, а находил лишь страшные «рыла», лезущие в прорехи пристойной «внешности». Отчаявшемуся в этих поисках мастеру оставалось лишь сойти с ума и умереть. Что он и сделал в свои тридцать семь лет. Вряд ли стоит напоминать читателю, насколько мистично это число.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА (1847). Сюжет для этой картины Федотов почерпнул из одноименной басни безмерно им уважаемого Крылова о привередливой девице, оставшейся без женихов. Басня заканчивается словами: «Чтоб в одиночестве не кончить веку,/ Красавица, пока совсем не отцвела,/ За первого, кто к ней присватался, пошла:/ И рада, рада уж была,/ Что вышла за калеку».

© П. Федотов. Портрет Надежды Петровны Жданович (1836–1915), в замужестве Вернер, за фортепьяно. 1849. Холст, масло. 24,5х19,2. Ж-45.16, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2010

ПОРТРЕТ Н. П. ЖДАНОВИЧ ЗА ФОРТЕПЬЯНО (1849). С семьей Ждановичей Федотов был очень дружен. Наденьку Жданович художник знал еще в детстве. За несколько лет до этого портрета он уже писал Наденьку и ее сестру Ольгу акварельными красками. Н. Жданович впоследствии вышла замуж за офицера Финляндского полка и до глубокой старости хранила рисунки Федотова, а перед смертью передала их в Русский музей. «Портрет Н. Жданович» считается лучшим портретом художника.

© П. Федотов. Зимний день. 20-я линия Васильевского острова. Ок. 1851. Холст, масло. 19х24. Ж-4540. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2010

ЗИМНИЙ ДЕНЬ (ок. 1851) Этот небольшой пейзажный этюд (едва ли не единственный «полноценный» пейзаж в его творчестве) Федотов набросал прямо из окна своей мастерской. Главный интерес представляют здесь для нас две фигуры, «прибавленные» мастером к городскому виду. Поодаль, на тротуаре Двадцатой линии Васильевского острова, он изобразил своего приятеля А. Дружинина. Ссутулившийся человек со свертком под мышкой, бредущий по улице, — сам художник.

«АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!» (1851—52). Горькое ощущение бессмысленности человеческой жизни сквозит уже в названии картины, тавтологически удваивающем слово «еще» («еще» по-французски и значит — «анкор»). А. Бенуа спустя полвека писал об этом полотне: «В окошко глядит все тот же тоскливый пейзаж, та же пустая улица, те же избы, тот же снег и то же мертвое небо, и вокруг все так же тихо, скучно и темно... Но почему-то и сладко, как бывает сладко в мутных сновидениях горячки, когда непрерывно все тонет, вянет и умирает, и лишь что-то вздорное, ненужное и мелкое, как этот пудель, суетится, толкается, шумит, мучительно мешая забыть о жизни...»

Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск

Один из лучших портретов кисти Федотова хранится в минском Национальном художественном музее, который и вообще славится прекрасной коллекцией русской живописи.

Картинную галерею в Минске организовали перед самой войной, в 1939 году. Экспозицию разместили в нескольких залах в здании тогдашней Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы. Она была составлена из произведений, перемещенных из отделов изобразительного искусства исторических музеев Минска, Витебска, Могилева и Гомеля. Помогли новорожденному музею и старшие братья — Третьяковка, Русский музей, ГМИИ им. А. С. Пушкина и Эрмитаж. Осенью 1939 года, после присоединения к СССР Западной Белоруссии, повторилась история двадцатилетней давности, когда во вновь образованные государственные музеи свозили многочисленные коллекции из национализированных дворянских усадеб. За два с половиной года музейное собрание разросло, включив в себя почти 3000 бесценных экспонатов.

В июне 1941 года произошла настоящая катастрофа. С началом войны музейное собрание стали готовить к эвакуации, но эвакуация не состоялась. Никто и предположить не мог, что немцы столь быстро продвинулись в глубь страны. Уже 28 июня, на шестой день войны, немецкие войска вошли в Минск. Вслед за войсками в городе появились «художественные» эмиссары — в частности, директор Дрезденской картинной галереи Г. Поссе. Лучшие картины и произведения прикладного искусства конфисковал и отправил в Германию именно этот, с позволения сказать, «искусствовед». Ос-

Национальный художественный музей Республики Беларусь в Минске.

тальное подверглось форменному разграблению. Эта потеря оказалась невозможной. Судьба довоенного собрания минской картинной галереи до сих пор неизвестна. Сверяться не с чем — полный каталог работники музея составить не успели. После войны по памяти была создана опись утерянных произведений искусства, но она страдала неполнотой. Вернуть же удалось лишь крупницы.

Таким образом, после войны музей возрождался практически с нуля. Огромную роль в том, что спустя несколько десятилетий он вошел в четверку лучших по качеству собрания музеев СССР (наряду с Третьяковской галереей, Русским музеем и Киевским музеем русского искусства), сыграла Елена Васильевна Аладова, руководившая музеем с 1944 по 1977 год. Она развила энергичную деятельность по приобретению новых картин. Музей еще ютился в че-

В залах музея.

Федотовский «Портрет Амалии Легран» (1846—47) хранится в минском художественном музее.

тырех комнатах Дома профсоюзов, а в его коллекции уже появились работы Кустодиева, Поленова, Брюллова, Левитана, Куинджи, Боголюбова и других великих русских живописцев.

При Елене Аладовой музей наконец-то обрел свой дом. Минск лежал в руинах, а неотомимый директор уже добилась разрешения на строительство специального здания для музея. Проект этого здания несколько раз менялся, на его возведение ушло несколько лет — лишь в 1957 году галерея справилась новоселье. Тогда же она получила новое имя — Государственный художествен-

ный музей БССР. Десять новых залов подоспели как нельзя кстати — к тому времени музейная коллекция достигла довоенного объема и продолжала расти. В качестве «советников» по формированию экспозиции Е. Аладова привлекла корифеев русского искусства И. Грабаря, А. Федорова-Давыдова, П. Корина, В. Фаворского, П. Кончаловского. Они помогли минскому музею приобрести картины из частных собраний певицы Лидии Руслановой, балерины Екатерины Гельцер, актера Ивана Москвина, других известных коллекционеров. Динамично развивавшийся музей быстро выдвигался в число самых авторитетных музеев Советского Союза.

На протяжении 1970—90-х годов он рос «вширь», превращаясь в мощный музейный комплекс и открывая тут и там свои филиалы. Среди них — Музей белорусского национального искусства в Раубичах под Минском, Дом Ваньковичей в Минске, Музей В. Бялыницкого-Бирули в Могилеве, архитектурный комплекс XVI—XVIII веков в Гольшанах, дворцово-парковый комплекс XV—XX веков в Мире...

Сегодняшнее имя музей получил в 1993 году, после обретения Беларусией независимости.

Жизнь музея отличается большим разнообразием, у него очень хорошая энергетика. Он обладает собственным архивом, в нем действуют реставрационные мастерские, ведется активная научная работа, под его маркой издаются все новые и новые каталоги и книги. Коллектив музея насчитывает более двухсот человек, а совокупная коллекция всех его отделов измеряется более чем 27 тысячами экспонатов. Впечатляет, не правда ли?

Совсем недавно была завершена капитальная реконструкция главного музейного здания, еще три — на очереди. Судя по всему, у музея — хорошее будущее.

На фото: Е. В. Аладова.

Легендарный директор

Елена Васильевна Аладова (1907—1986) оставила после себя светлую память. Именно благодаря ее энтузиазму минский художественный музей восстал из пепла и сегодня занимает место в ряду лучших музеев на пространстве бывшего СССР. Она покупала на свои деньги (сказав мужу, что потратила их на котиковую шубу) рубероид, который забыли внести в смету на строительство нового здания, «заряжала энергией» собственных сотрудников, тащила в музей талантливую молодежь, летела за тридевять земель, лишь только услышав, что где-то продается работа из частной коллекции. «Если я узнаю, — рассказывала Е. Аладова, — что в Ташкенте в музей кто-то привез работу, например, частный коллекционер... А там денег нет... Обязательно опережу других, но картину привезу в Минск, для своего музея». Спорить с Аладовой было бесполезно. Ее боялись в высоких приемных, потому что она не уходила из них, не добившись своего — денег ли, разрешения ли на покупку картины или приобретение нового помещения для своего детища. Эта маленькая женщина все время спешила, и плоды ее деятельности оказались вовсе не маленькими.

Одна из жемчужин музейного собрания — шедевр В. Перова «Очередные у бассейна» (1865).

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Еженедельное издание

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЦЕНА: 69 руб., 11,90 грн, 299 тенге, 4900 Бел. руб.

50 Художников

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

Кандинский

18

«Деталь для композиции IV» (1910) — подробно

Книги Кандинского стали манифестом абстракционизма

Художник искренне пытался ужиться с большевиками

Его абстракции часто называют «романтическими»

DeAGOSTINI

В продаже через неделю!

ISSN 2218-8614

9 772218 861773 00017

DeAGOSTINI